

МУЗЕИ нынче растут словно грибы после дождя — в городах и поселках, на приречьях и в колхозах. Наверное, это одна из примет времени. Правда, хотелось бы, чтобы делалось это не просто со щедростью и размахом, а, прежде всего, со знанием дела, с историческим чутьем и художественным вкусом. Тем более, что в иных случаях без «материальных щедрот» обойтись даже полезно.

В Ивне несколько лет назад, стремясь увековечить память о пребывании в поселке весной 1934 года А. П. Гайдара, приобрели за приличную сумму скульптуру для памятника. Высечена она была неким предприимчивым «мастером» с юга из цельной глыбы. Из великолепного, чистого-чистого искристого белого камня. Вот только высечен был... неизвестный в гайдаровской гимнастерке.

Нашей земле, нашим городам и селам нужны памятники, но это должны быть подлинные произведения искусства. А они редко удаются по срочным заказам, не говоря уже об уровне мастерства исполнителей. Зато в той же Ивне есть возможность «без парадности и шумихи» по-настоящему позаботиться о памяти любимого писателя. Почему бы не создать здесь тимуровский музей Гайдара? В стране есть Всесоюзный штаб Тимура, который готов помочь в любом интересном начинании. Давно действуют самодельные ребячьи музеи писателя, а в Казахстане есть даже тимуровская почта. За годы работы над книгами о Гайдаре со многими из этих команд у меня сложились дружеские отношения, и я твердо знаю, что стоит только бросить клич — тимуровцы страны придут на подмогу.

И если заняться музеем всерьез и надолго, то это должно стать почетным делом всех тимуровцев области. Сбор самых разных материалов о Гайдаре (документы, фотографии, книги, почтовые марки, значки и т. п.), областные и межобластные (а, возможно, и всесоюзные) конкурсы рисунков, стихов, сочинений о жизни, о книгах Гайдара. Лучшие, отмеченные премиями работы станут экспонатами музея в Ивне...

Впрочем, это лишь планы. Насущным, первоочередным видится иное.

В редакцию пришло коллективное письмо жителей Ивни — Бородин, Десницкий, Коляев, Черкашин, Кудрявцев и еще 25 подписей. «Поселок Ивня, — пишут они, — очень красивое место. Здесь много прудов, зеленых массивов. Их надо беречь. А на деле... 31 октября 1987 г. пришли на берег пруда строители, забили колышки и прогнали бульдозер С-100, сделав контуры будущей улицы. От вышней кромки контура до зеркала воды 25 метров. А когда строился ул. Коммунальная в 30-х годах, строители отступили от берега пруда больше ста метров. Неужели порядок за это время изменился? Местность-то у нас сельская, на планируемой улице будут жильцы содержать поросат, уток и прочую живность. И круглый год станут стекать в пруд нечистоты.

А в этом же году на противоположном берегу был построен пляж, на котором собиралось столь-

ко народу. Пляж сразу стал любимым местом детей из тубдиспансера им. Гайдара, берега пруда — традиционное место их прогулок. У новых жильцов, тех же самых строителей, есть личные автомобили и мотоциклы. Мыть их они станут прямо во дворе, а вода потечет в пруд. В тот самый, который так полюбил Гайдар, когда был у нас в Ивне. Этот пруд и сегодня — любимое место отдыха иванцев. Зачем же его губить?»

И тревога, и позиция авторов коллективного письма в редакцию, по-моему, вполне закономерны. В зеленой рощицовой Ивне еще несколько прудов, но этот — о котором речь, — самый чистый и красивый. И не загрязнять, не создавать предпосылки для его

ЗАПОВЕДНОЕ

уничтожения надобно, а подумать о деятельном благоустройстве и, прежде всего, о расчистке живых ключей, бьющих из меловой толщи и питающих красавец-пруд. Ключи эти должны жить вечно, а для этого они должны стать заповедными.

Убежден: заповедными — хотя бы в сознании районного начальства и рядовых иванцев — должны стать и остатки старинного парка, на тропинках которого задумчивый Гайдар «вышагивал» свои «Синие звезды», и лохматые ели, и остатки чудесной аллеи лиственниц (а почему бы ее не возродить, посадив молодые деревца?), ведущей от парка к самому пруду.

Похожие мысли одолевают и в селе Красное, «что на речке Пенке». Но если Ивня сохранила в неприкосновенности свое славянское звучное имя, то на родине М. С. Щелкина приходится воевать и за это. (Думаю, читатели припомнят статью «И все-таки Красное» в «Белгородской правде»). Наверное, старинное имя «Красное» вернется к щелкинскому селу лишь в год 200-летия со дня рождения знаменитого уроженца.

Есть огорчения и заботы посерьезней. Когда-то по инициативе и при немалом старании областного отделения общества охраны памятников в селе возвели музейное строение. Истратили больше двадцати тысяч, а музей вышел невзрачным, сереньким. В этом году его с озабоченным сломали. Сооружается новый — средств выделено гораздо больше. Их хватит не только на музей, но и на «крестьянскую усадьбу типовой застройки начала XIX века», и на ряд других построек. Быть может, нужна нынешнему Красному и «крестьянская усадьба XIX века», только даже лучшие из подобных музейных творений в стране отдают холодком муляжа.

А в том же Красном и ближних его окрестностях течет речка Пенка — та самая, о которой из уст Михаила Семеновича не раз слышали Белинский и Гоголь, Герцен и Тургенев, Аксаков и Шевченко... Та самая, чье ласковое имя рукою Пушкина навечно записано в начальные строки «Записок актера Щелкина». И в густейших молочных туманах тонет по утрам просторный заливной луг, по возвышенному краю которого начинается первая цепочка сельских домов. И так же, как два века назад, извилисто азбигается по глинистому Щепелевскому холму

тележная дорога и, одолев подъем, устремляется под сень живой Щепелевской рощи.

Так вот и роща, и даже холм, а прежде всего заливной краснянский луг и речка Пенка давно уже нуждаются в доброй человеческой защите. И, честное слово, было бы куда разумнее истратить хоть часть выделенных средств и — это не менее важно — нашего внимания и заботы на то, чтобы защитить, сохранить, сберечь для себя, для детей и внуков наших эту вечную красоту, первозданность среднерусской природы. Тем более, что речь идет о десятке-другом квадратных километров, всего-навсего об одном луге, одной роще, беречь которые мы и без того обязаны по всем человеческим и государственным законам.

Сложнее с Пенкой. Она течет по территории трех районов, нескольких колхозов. Есть на ее берегах и полукустарные «предприятия». Но даже если не закрывать ничего, а лишь отступит с пахотой на жалкий десяток метров, унять «промышленные» и автостоки в речку. Да еще при этом проявить к ней человеческое внимание и нежность... Она ведь словно малый ребенок — эта тоненькая голубоватая жилка Белгородчины — Пена, Пенка... Имя это навеки, навсегда в истории отечественной культуры. Так сохраним же жизнь и самой реке. Даже если для этого потребуются поступить чем-то малым в экономическом плане.

Выигрыш-то очевиден: чистая река — подарок всем. И память. Поймите, дорогие земляки, музей на родине великого артиста, основоположника правды на русской сцене, «крестьянская усадьба», новый Дворец культуры, торговый комплекс и т. д. — все это хорошо, все это нужно. Но кто бы и когда бы из дальних и совсем ближних краев не наведаясь в гости к нам, к Щелкину, он обя-

зательно попросит повести его на берег Пенки. Взойдет на Щепелевский холм, на опущие рощи соберет букет полевых цветов и уже с ними подойдет к памятнику М. С. Щелкину, переступит музейный порог. И чтобы он там ни увидел и ни услышал, оно не затмит и не сотрет впечатления от встречи с подлинным, живым, неповторимым.

За этим же тысячи и тысячи советских людей устремятся в село Хворостянку Губкинского района, на родину «первого декабриста». И здесь еще не поздно, а значит, необходимо хотя бы оградить, заповедать место со следами фундамента дома, в котором родился Владимир Раевский, и где посетили его первые творческие озарения.

В Хворостянке, как и в Ивне, бьют у подножия невысокого мелового холма живые ключи. Так же радующе кипели они и на глазах у юного Раевского Сюда он, уже офицер, героем Бородино, приходил в каждый свой приезд в Хворостянку.

Здесь те же источники
резвящиеся воды,
Близ коих я в часы
туманной непогоды
Сметая радужный посыл,
И взором пшмерал стремелье
Ниль в утре летнее
туя бегущих
лазурный небосвод
Смичаа с жоперхностью
змбей быстротекущих...

Защитить эту красоту, эту живую реликвию... Ведь по холму, над рощицами, проходит дорога. С годами она становится все оживленней, а машины все многотоннее...

Так как же сберечь заповедное на отчей земле? Есть у нас общества охраны природы и памятников истории и культуры, только что появилось отделение Советского фонда культуры. Очень многое, а иногда едва ли не все зависит от людей на местах — в Ивне, Красном, Хворостянке. Тимуровский музей будет создан, если этой идеей зажгутся юные (и не только юные) иваняцы. Школьники той же Хворостянки под руководством учителей вполне в состоянии хотя бы самым простым способом оградить те немногие «сотки», на которых некогда стоял дом Раевских. Будут полнокровно жить, радуя прежде всего людей, живущих с ними в постоянном соседстве, и речка Пенка, и зеленый луг, и Щепелевская роща, если люди, земляки этого по-настоящему захотят и позаботятся о бессловесных своих друзьях. Позаботятся иной раз хотя бы так, как это сделали тридцать жителей Ивни, обратившись с коллективным письмом в газету.

Б. ОСЫКОВ,
заслуженный работник культуры РСФСР,
член президиума правления
Белгородского отделения
Советского фонда культуры.